

Ю. В. ОТКУПЩИКОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ лит., лтш. *ragana* 'ведьма'

Еще двести лет тому назад автор одного латышско-немецкого словаря Й. Ланге писал, что лтш. *rag(g)ana* — это *eine gehörnte Hexe* ('рогатая ведьма')¹. Можно указать целый ряд подобного рода старых и новых толкований также применительно к лит. *rāgana* (= *raguota*).

В конце XIX в. А. Лескин, сначала под вопросом², а затем более уверенно сопоставил лит. и лтш. *ragana* с лит. *regėti*, лтш. *redzēt* (корень *reg-* 'видеть')³. Эта этимология была принята и отчасти аргументирована в работах Й. Микколы, Х. Петерссона, К. Буги, Я. Эндзелина⁴. Из современных авторов данное этимологическое истолкование принимают, например, Б. Егерс, А. Сабалиускас, М. Гимбутас⁵.

Предполагаемая связь между словами *regėti* и *rāgana* имеет надежные семантические аналогии: русск. *вѣдьма* и др.-русс. *вѣдѣти* 'знать'; русский пример *знахарь* — *знать* семантически можно сопоставить с лит. *žunys* 'колдун' — *žinoti* 'знать'. Видимо, сюда же следует присоединить англ. *witch* 'ведьма' (ср. нем. *wissen* 'знать'). Касаясь конкретно корня *reg-* 'видеть', необходимо подчеркнуть, что латышское слово *pareģis* 'прорицатель, колдун' этимологически может быть объяснено только из значения глагола *paredzēt* 'предвидеть'.

И все же эта — практически общепризнанная в настоящее время — этимология (*rāgana* — к *regėti*), на мой взгляд, ошибочна. Семантическая модель 'знать, видеть' → 'колдун', 'ведьма' еще не говорит о том, что все без исключения слова со значением 'ведьма' обязательно должны иметь точно такую же этимологию. Ср., например, русск. *чародейка*, нем. *Hexe*, лит. *laūmė* и другие слова, имеющие этимологические связи иного типа.

Словообразовательная модель *mālka* 'полено' → *malkanas* 'деревянный', *vaĩgas* 'беда' → *vaĩganas* 'бедственный, бедный', *rūkas* 'туман' → *rūkanas* 'туманный'

¹ J. Lange. Vollständiges deutschlettisches und lettischdeutsches Lexikon. Mitau, 1773—1777, с. 245, 316.

² A. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig, 1884, с. 365.

³ A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891, с. 387.

⁴ J. Mikkola. Etymologische Beiträge. — ВВ XXIX, 1895, с. 220—221; Н. Petersson. Vergleichende slawische Wortstudien. Lund, 1922, с. 48; К. Būga. RR, t. II, с. 257—258; ME, t. III, с. 464.

⁵ В. Jēgers. Verkannte Bedeutungsverwandtschaften baltischer Wörter. — KZ, LXXX, 1966, с. 144; А. Sabaliauskas. Lietuvių kalbos leksikos raida. — LKK, 1966, t. VIII, с. 40; М. Gimbutas. The Lithuanian God Velnias. — В кн.: Myth in Indo-European Antiquity. Univ. of California Press, 1974, с. 89.

и др.⁶ позволяет отнести сюда же лит. *rāgas* 'рог' → **rāganas* 'рогатый' (ср. лтш. *ragans* 'колдун'). Подобное словообразовательно-семантическое истолкование можно обосновать примерами из диалектов латышского и литовского языков: лтш. *ragana* 'рогатая овца', 'жук с длинными рогами', лит. *raganos* 'дровосеки' (нем. *Bockkäfer*), *ragānė* 'рогатая овечка, коза'⁷, лтш. *raganu raganais* '*der Gehörnteste*', 'рогатеиший' (т.е. 'дьявол')⁸. Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что лтш. и лит. *ragan(a)s* этимологически означает 'рогатый', а *ragana* — 'рогатая'⁹.

Проф. М. Гимбутас полагает, что от *regėti* было образовано не только слово *rāgana*, но и *rāgius* 'черт'. *Rāgius* и *rāgana* — это „два сапога пара“, а поэтому оба слова, по мнению М. Гимбутас, означают (этимологически)

Таблица

№ п/п	Литовский язык	Латышский язык
1	<i>barzdà</i> 'борода' ↓ <i>bařzdž-ius</i> 'бородач'	<i>bārda</i> 'борода' ↓ <i>bārd-aīnis</i> 'бородач' <i>bārd-aīns</i> 'бородатый'
2	<i>kuprà</i> 'горб' ↓ <i>kùpr-ius</i> 'горбун'	<i>kuprs</i> 'горб' ↓ <i>kupr-aīnis</i> 'горбун' <i>kupr-aīns</i> 'горбатый'
3	<i>galvà</i> 'голова' ↓ <i>galv-ius</i> 'der Köpfige'	<i>galva</i> 'голова' ↓ <i>galv-aīnis</i> 'der Köpfige' <i>galv-aīns</i> 'köpfig'
4	<i>rāgas</i> 'рог' ↓ <i>rāg-ius</i> 'черт' (буквально: 'рогач')	<i>rags</i> 'рог' ↓ <i>rag-aīnis</i> 'рогач' <i>rag-aīns</i> 'рогатый'

⁶ P. Skardžius. *Lietuvių kalbos žodžių daryba*. V., 1943, с. 226.

⁷ Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. Маникайте, сообщившую мне последние два примера из картотеки академического словаря (*Lietuvių kalbos žodynas*).

⁸ ME, s. III, с. 464. Пример взят из латышской народной сказки.

⁹ Ожидаемое в литовском языке противопоставление места тона у прилагательных мужского и женского рода, видимо, не распространялось на слова, подвергшиеся ранней субстантивации. Ср. *liėkana* 'остаток' (к *liėkas* 'лишний'), *rūkana* 'rūkanotas oras' (к *rūkas*), *sniėgana* 'tykus snigimas' (к *sniėgas*), *kāpana* 'gaišimas, stipimas' (к *kāpas*) и др. См. P. Skardžius. Указ. соч., с 227—228.

‘прорицатель’ и ‘прорицательница’¹⁰. Однако против подобного предположения свидетельствуют некоторые важные особенности литовского и латышского словообразования. Рассмотрев данные таблицы, убеждаемся, что с той же самой моделью мы сталкиваемся и в первых трех, и в четвертом случае.

Отчетливость словообразовательных связей в приведенных примерах не позволяет думать, что отношения между *rāgas* и *rāgius* могли бы быть вторичными — результатом действия народной этимологии. Это ясно уже потому, что одна и та же латышская словообразовательная модель во всех четырех случаях соответствует литовским образованиям на *-ius*. Таким образом, судя по словообразовательным данным, лит. *rāgius* ‘черт’, лтш. *ragans* ‘черт’ (ср. *ragani raganais* латышской народной сказки) и лтш. *ragans* ‘колдун’ имеют этимологическое значение ‘рогатый’, а *ragana* ‘ведьма’ — ‘рогатая’.

Но кто и где слышал когда-нибудь о ведьмах с рогами?

Сравнительная индоевропейская мифология свидетельствует о том, что ведьма — это позднейшая модификация древнего языческого зооморфного божества, почитаемого в образе козы (resp. козла) или коровы (быка). Следы подобного почитания мы находим повсюду, везде у индоевропейских (да и не только у индоевропейских) народов живут божества с рогами и копытами: в Греции (Пан, Дионис, Сатиры, Силен), в Риме (Фавн и Фавна, Сильван и Сильвана), в России (леший, лисун и лисунка) и т. д.

Если бы связи между словами *rāgas* и *rāgana* в балтийских языках были случайными или вторичными, мы не обнаружили бы примеров такого же рода связей в славянских и германских языках, в славянском и германском устном народном творчестве. Между тем, например, в русских и немецких сказках ведьмы постоянно обращаются в коров и коз, часто имеют рога и всегда — хвост. По немецким поверьям, после Вальпургиевой ночи там, где плясали ведьмы, утром можно было видеть многочисленные коровьи и козлиные следы¹¹. В одной немецкой сказке девочка, войдя в запретную комнату, увидела там свою хозяйку — ведьму — с длинными рогами на лбу¹². Сходный пример приводит Д. К. Зеленин из одной архаичной русской народной сказки¹³. Интересна в этом плане одна из русских загадок: „Стоит яга, во лбу рога“¹⁴. Перед нами — косвенное доказательство того, что и русские (точнее: славянские) ведьмы когда-то имели рога. Такого же рода косвенные свидетельства можно обнаружить и в материале, относящемся к немецким ведьмам. Интересна в этом плане улитка *Modulus trochiformis*. Как и у всех улиток, у нее щупальца, которые у данного вида улитки очень напоминают козьи рога. По-немецки эта улитка называется... *Hexe* ‘ведьма’. Совершенно очевидно, что это свое название улитка получила отнюдь не из-за способности предсказывать будущее. Наиболее ярким внешним признаком этой улитки, являются ее рога — рога ведьмы...

¹⁰ М. Gimbutas. Указ. соч., с. 89.

¹¹ J. Grimm. Deutsche Mythologie. Göttingen, 1835, с. 1025.

¹² Н. Vordemfelde. Die Hexe im deutschen Volksmärchen. — В кн.: Festschr. für Eugen Mogk. Halle, 1924, с. 564.

¹³ См. в связи с этим Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, с. 57.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV. М., 1955, с. 672.

Следует подчеркнуть, что нем. *Hexe* — это не только 'ведьма' и 'рогатая улитка', но также 'рогатый жук'. Последние два значения нем. *Hexe* показывают, что именно рога явились тем общим признаком, по которому получили свое название и жук, и улитка. Напомню, что в диалектах литовского и латышского языков слово *ragana*, наряду со значением 'ведьма', также имеет значение 'рогатый жук'.

Таким образом, и словообразовательные, и семантические данные более подходят для этимологии *rāgas*→*rāgana* 'рогатая', нежели *regėti*→*rāgana* 'прорицательница'. Но это еще не все. Нам осталось рассмотреть последний по порядку, но, должно быть, самый важный аргумент.

Еще никто, насколько мне известно, исследуя этимологию слова *ragana* 'ведьма', не находил никаких близких соответствий этому слову за пределами балтийских языков. А такие соответствия имеются — и совсем недалеко: в южнославянских языках. Сербо-хорв. *рѡга* 'рогатая овца' и *бабарѡга* 'ведьма' (русск. *баба-яга*) можно сопоставить с лтш. *ragana* 'рогатая овца' и 'ведьма'. Следовательно, и лтш. *ragana*, и сербо-хорв. *рѡга* образованы от одного и того же корня *rag-/rog-* и имеют два одинаковых значения: 1) 'рогатая овца' и 2) 'ведьма'. Но при этом сопоставлении совпадают только корень и два значения (хотя и это, разумеется, весьма показательно). Полное — не только фонетическое и семантическое, но также и словообразовательное — соответствие мы находим в случае лтш. *ragane* = *ragana* = лит. *rāgana* — сербо-хорв. *рѡгоња* (*rogoña*) со значениями: 1) 'бык или баран с длинными рогами'; 2) 'черт' (эвфемизм, буквальное значение 'рогатый', ср. лит. *rāgius* 'черт' и лтш. *ragani raganais* 'дьявол'); 3) 'рогатый человек'. Здесь перед нами — совпадение не только в корне, но и в словообразовательной модели (суффикс *-n-*). Таким образом, на балтийском и южнославянском ареале полностью совпали основы *ragan-* и *rogon-*. Это совпадение опять-таки не может быть случайным, ибо в данном случае мы имеем дело также и с семантическими совпадениями. Так, сербо-хорв. *rogoña* в значении 'баран с длинными рогами' можно сопоставить с лтш. *ragana* 'рогатая овца'. Значения 'рогатый баран' и 'рогатая овца' различаются только по своему роду. К тому же следует подчеркнуть, что славянское слово, хотя оно и мужского рода, склоняется по парадигме женского рода (как русск. *тихоня*, *разиня* и др.). Сербо-хорв. *rogoње* 'рогатый жук' (нем. *Bockkäfer*) совпадает с таким же значением литовского и латышского слова (см. выше). Кроме того, интересны сербо-хорватские слова, образованные от корня *rog-* с иными суффиксами. Так, *рѡгоша* (*rogoša*) означает: 1) 'рогатая коза или овца' и 2) 'ведьма (рогатая)'; *рогуља* имеет значения: 1) 'корова с длинными рогами' и 2) 'ведьма' (эвфемизм)¹⁵.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и на балтийском, и на славянском ареале производные с корнем *rag-/rog-* обладают значениями 'рогатое животное (овца, коза, корова)', 'рогатый жук' и '(рогатая) ведьма'. В ряде случаев балтийские и славянские слова были образованы с помощью

¹⁵ Примеры взяты из словарей: Караџић Вук Стеф. Српски рјечник. 3 изд. У Биограду, 1898; Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Dio XIV, U Zagrebu, 1955; Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. Изд. 3-е. М., 1970.

разных суффиксов, в случае же с балтийской основой *ragan-* и славянской *rozon-* мы сталкиваемся с важной семантико-словообразовательной изоглоссой.

Изоглосса балт. *ragana* — южнослав. (сербо-хорв.) *rogoŋa*¹⁶ является весьма важной и сама по себе — независимо от каких бы то ни было этимологических вопросов, поскольку нам известно, в общем, довольно незначительное количество балто-южнославянских лексических изоглосс (не говоря уже об изоглоссах словообразовательных). Данная изоглосса, быть может, даст новый материал и для сравнительной балто-славянской мифологии. Говоря же об этимологии балтийского слова *ragana*, необходимо отметить, что указанная изоглосса позволяет понять сложные семантические отношения на балтийском ареале, где эти отношения были совсем неясными.

Если в балтийских языках связь между словами *rāgas* и *rāgana* была отвергнута как народноэтимологическое искажение, совершенно бесспорные славянские примеры указывают на наличие именно такой связи, причем в словах, имеющих одинаковые значения, один и тот же корень, один и тот же суффикс и в балтийских, и в славянских языках.

В заключение следует добавить, что изложенная этимология еще раз подтверждает, как много неиспользованных возможностей все еще скрывается в сравнении материала балтийских и славянских языков.

¹⁶ Строго говоря, данная изоглосса выходит за пределы южнославянских языков. Если же брать не только сербо-хорв. *rogoŋa*, но также *rdgoŋa* и *rdguŋa*, то соответствия этим лексемам можно найти в болгарских, македонских, украинских и западнославянских говорах. См. Клепикова Г. П. Функционирование и генезис терминологии горного пастушества в славянских диалектах карпатского ареала. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 182.